

Вячеслав Шторм

Матушка

*Часть сборника
От легенды до легенды
(сборник)*

Вячеслав Шторм

Матушка

«Автор»

2011

Шторм В.

Матушка / В. Шторм — «Автор», 2011

«В окно светила луна, заливая комнату голубовато-белым мерцанием, играя на прожилках кордалийского мрамора. Букетик незабудок на подоконнике в этом холодном свете казался каким-то особенно беззащитным и оттого – еще более трогательным. „Матушка, не грусти! Он обязательно вернется! Он же обещал...“...»

© Шторм В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Вячеслав Шторм

Матушка

В окно светила луна, заливая комнату голубовато-белым мерцанием, играя на прожилках кордалийского мрамора. Букетик незабудок на подоконнике в этом холодном свете казался каким-то особенно беззащитным и оттого – еще более трогательным.

«Матушка, не грусти! Он обязательно вернется! Он же обещал...»

Ирина встала, отложила в сторону веретено, которое последний час бездумно вертела в пальцах, неслышно ступая, вышла в коридор. Постояла немного на открытой галерее, слушая треск цикад и вдыхая запах цветущего жасмина. Лепестки уже облетали. Под луной, на черной влажной земле, они казались осколками перламутровых раковин, которые добывают на ее родине. Сами собой в памяти всплыли слова старой-старой песни:

*За моим сердцем приходила полночь.
Обещала бессчетно серебра пригоршни,
Обещала хранить его в бархатном футляре
Между звезд и сапфиров, рубинов, алмазов.
Только были фальшивы ее обещанья,
Серебро луны ничего не стоит.
Я сказала: «Полночь, возвращайся обратно,
Не отдам я тебе свое бедное сердце...»¹*

Подул легкий ветерок, и на глазах Ирины упал еще один лепесток, за ним – еще один, и еще. Женщина загадала: если их будет десять, то все обойдется.

«Семь. Всего семь. Или я плохо смотрела? А, впрочем, это всего лишь жасмин...»

Тихо вздохнув и поправив на плечах вдовье покрывало, Ирина пошла к комнате сыновей.

Хотя масляные светильники на стенах из экономии не зажигали по ночам уже бог знает сколько времени, света хватало. Да она и в полной темноте прошла бы здесь, не задев за стену даже краем одежды.

Марк спал, как всегда разметавшись по ложу. Одна рука свесилась, легкое покрывало сбито в ком где-то в ногах, светлые, чуть выющиеся волосы – гроза гребней («Вчера опять не стал стричься, непоседа!») – чуть влажные от пота.

«Ест, как не в себя, а все такой же худой. Но зато как вырос за эти полгода! Если так дальше пойдет, к осени брата догонит».

Проб тоже все переживал, что ниже сверстников, а потом – раз! – и вытянулся за одно лето. Еще утешал младшего во время последнего приезда домой: «Ничего, вояка! Были бы кости, а мясо нарастет! Мы, Флавии, крепкой породы!» – а потом, к восторгу брата, разгибал очередную подкову, не слушая добродушного ворчанья старого Прокопия о ненужных расходах.

Как же давно это было! Будто и в другой жизни. Домоправитель, отпущенный на волю еще мужем и верно служивший его семье до самой смерти, уже два года как упокоился на домашнем кладбище Флавиев. Но главное – тогда все было упорядоченно и казалось незбылемым, почти вечным. Дом, привычные хлопоты, соседи.

Мир.

Нет, войны были всегда, но они были где-то далеко, на границах. И даже когда одна за другой запылали провинции, когда муж со своим легионом ушел, чтобы навсегда остаться

¹ В рассказе использованы фрагменты песни группы Rosa Alba «Сердце». Автор текста – Л. Воробьева (Е-вин).

в знойных песках Элайта, она – да и она ли одна? – продолжала цепляться за это, с молоком матери впитанное, олицетворение порядка и стабильности, называемое – Империя.

А потом все в одночасье перевернулось с ног на голову. Новости, одна страшнее и невероятнее другой, полетели по землям Империи, обгоняя друг друга ипподромными квадрами.

Потеряна Регия.

Полония.

Элайт.

Четыре легиона изрублены гевтами у Немейского озера.

Восьмой Победоносный и Четвертый Гордый взбунтовались и перешли на сторону мятежного логофета Фиолакта, объявившего подвластную ему Тарригу независимым государством.

Флот друнгария Кортиса, потрепанный бурей, почти полностью уничтожен лакадскими пиратами, перерезавшими морские пути доставки продовольствия.

Перебои с хлебом и голод вылились в восстание плебса в столице и волнения, прокатившиеся по всем еще подвластным василевсу землям.

А еще – имя. Страшное имя, которое граждане Империи повторяли все чаще: позавчера – шепотом, вчера – в полный голос, сегодня – истошным криком.

Вранг.

Наемник-сартан, дослужившийся от простого конного лучника-сагиттария сначала до командира турмы в три десятка человек, потом получивший под начало целое крыло и закончивший Третью Регийскую войну в чине стратилата Востока. Герой сражения при Непоре. Победитель Мардона IV, всесильного сатрапа Корданаала. Сокрушитель считавшейся неприступной твердыни Армилоны. Усмиритель соляного бунта шестьдесят восьмого года. Человек, досконально изучивший военную машину Империи изнутри. Дезертир, в зените славы покинувший ее границы, чтобы год спустя затопить их огнем и кровью, встав во главе бесчисленных орд своих диких соплеменников.

В коротких письмах, приходивших все реже и реже, Проб писал о тяжелых боях и свирепости кочевников, с легкостью сминающих армии и гарнизоны, о том, что сартанский аркан все уже стягивается вокруг обескровленной Империи. Еще он писал, что то, что архонты и стратеги приняли за грабительский набег, превратилось в полноценное завоевание. Что сартаны не разрушают города и крепости, а ставят в них свои гарнизоны, что Вранг объявил себя новым василевсом и принимает присягу всякого гражданина Империи, который захочет ему служить. Сын советовал матери и брату последовать примеру соседей, бросить дом и перебраться в столицу, к дальним родственникам отца, а еще лучше – уехать на запад, пока держатся границы.

Потом письма перестали приходиться, зато вновь поползли жуткие слухи. Говорили о том, что армия Вранга прорвала оборону и ее авангард продвинулся в самое сердце Империи – на расстояние двухнедельного перехода от столицы. Что василевс Фотий в этот грозный час не придумал ничего лучше, как насмерть рассориться с Никифором Львом, величайшим стратегом Империи и единственным человеком, способным на равных помериться силами с бывшим стратилатом. Никифор сорвал голос, убеждая властителя оставить Никополис, который невозможно оборонять, отойти на западные рубежи, перегруппировать армию, накопить сил – и только тогда выйти на решающую битву. В ответ василевс осыпал его оскорблениями и упреками, называя трусом и предателем, подкупленным Врангом. Кричал, что Никифор сам не прочь примерить пурпур, требовал выступить навстречу сартанам и любой ценой вышвырнуть их вон со священной земли Империи. Кончилось все тем, что Лев плюнул под ноги хозяину Империи и во главе своих людей ушел из столицы. Фотий же, прокляв мятежника и всех, кто последовал за ним, стал спешно собирать войска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.